

КЕРНОХРАНИЛИЩЕ

Геологиня Людмила Васильевна была кандидатом геолого-минералогических наук. Каждый день она собиралась провести для нас практикантов ознакомительную беседу о геологическом строении Карелии. Но более важные дела занимали все ее время. Однажды утром она твердо объявила, что сегодня беседа точно состоится. И тут к ней неожиданно приехал ее будущий муж – молодой профессор университета. Было совершенно ясно, что ей теперь не до бесед со студентами. За обедом, когда геологиня и молодой профессор многозначительно переглядывались, Ник вдруг ляпнул:

– А геологическая беседа сегодня будет?

Я толкнул Ника под столом.

– Обязательно! – Людмила Васильевна выразительно посмотрела на Ника.

Беседа получилась короткая.

– В институте мне рассказали, что в полевой геологии вы уже все знаете и умеете, – заявила геологиня.

В легком смущении от похвалы, которая, на мой взгляд, была вполне заслуженной, я скромно пожал плечами, собираясь таким образом сказать: «Ну, не то чтобы уж совсем всё...»

– А что не знаете, спрашивайте по ходу дела, – среагировала геологиня.

Молодой профессор смутился от краткости геологической беседы.

– Люся, может у ребят есть вопросы? – вступил он в разговор.

Перед экспедицией Ник штудировал литературу по геологии Карело-Кольского региона и готов был задать кучу вопросов, но как только он раскрыл рот, я пихнул его локтем в бок и успел ответить:

– У матросов нет вопросов.

– А документировать керн скважин вы умеете? – вдруг спросила геологиня.

– Теоретически, – смутился Ник.

– Так вот, завтра овладеете практически.

И мы тут же получили геологическое задание на документацию керна двенадцати скважин.

Кернохранилище располагалось в геологическом поселке в ста пятидесяти километрах от нашей базы. Начальник выделил в наше распоряжение «Бобик» на три дня. С нами отправился Макс. Он должен был заказать вертолет для переброски двух геологов в район аэрогаммааномалии.

Макс с видом большого начальника устроился на месте пассажира, а Ник завалился спать на расстеленные в кузове спальные мешки. Я вел машину. Ехали целый день, и негде было даже перекусить.

– Ничего, в партии сразу пообедаем и поужинаем, – пообещал Макс.

День клонился к вечеру. Мы свернули с грейдера на грунтовую дорогу, разъезженную геологическими Уралами и ЗИЛами. До поселка оставалось километров десять. Дорога шла берегом порожистой реки. Я лавировал вдоль обочины, рискуя съехать в глубокую колею. Низкое солнце слепило глаза и пришлось надеть темные очки.

– В этих очках ты выглядишь, как слепой летчик, – заметил Макс.

– Что, бывают слепые летчики?

– Конечно, но они, как правило, уже не летают. Давай хохму одну сделаем? Остановись на минутку.

Я затормозил. Макс раскрыл офицерский планшет и на листе бумаги фломастером нарисовал треугольник, а внутри него очки. Получилось нечто вроде предупреждающего знака: «Осторожно, слепые!»

Макс прикрепил знак на ветровое стекло и пояснил:

– Когда приедем в партию, ты изобрази из себя слепого водителя. Ну, остановись как-нибудь по-дурацки. А потом выйди из машины в очках, стань перед радиатором и молчи. Все остальное я беру на себя. И голову поворачивай вместе с туловищем – так слепые делают.

Через тридцать минут показался геологический поселок, в котором базировалась урановая партия.

– Останови у того домика, видишь, на крыльце две герлы сидят? – показал рукой Макс.

Я разогнал машину и направил ее прямо на крыльцо. Испугавшись, что машина сейчас врежется в них, девицы бросились в разные стороны. Я затормозил и машину развернуло боком. Геологини вернулись на крыльцо. Старшей было лет двадцать с небольшим. Ее выгоревшая на солнце белая энцефалитка явно прослужила хозяйке уже не один полевой сезон. Младшей было от силы восемнадцать. Курносая, с рыжими кудряшками и смешными веснушками на носу девчонка больше напоминала пацана. На Курносой была надета совершенно новая, защитного цвета брезентовая энцефалитка и такие же штаны стандартного геологического размера и фасона. Можно было побиться об заклад, что она получила костюм на складе не иначе как сегодня. Те, кто шил энцефалитные костюмы, полагали, вероятно, что существенных физиологических различий между мужчинами и женщинами нет, и в размерах тоже. В нашей факультетской стенгазете была помещена фотография, на которой два парня вдвоем стоят в одних брезентовых энцефалитных штанах и там есть местечко для третьего.

Макс подтянул ковбойские полусапожки на высоких каблуках, расстегнул горнолыжный анарак, так чтобы стала видна кобура нагана под мышкой, и, выступая, словно петух Атос, направился к геологиням.

– Хеллоу, гёлс! Хау а ю?

Потрясенные видом импозантного мужчины, говорящего на английском языке, девушки скромно молчали. Взгляд Макса остановился на младшей. Курносая замерла, словно загипнотизированный кролик. Ее глаза, опущенные светлыми ресницами, были широко раскрыты. Казалось, Макс пригвоздил ее взглядом.

– Значит, по-английски вы не понимаете, – резюмировал Макс.

– Хай! – вдруг ответила Курносая. – Вэ а ю фром?

Так далеко познания Макса в английском языке не заходили. Он смутился от бойкого и непонятного ответа, но виду не показал.

Я вышел из машины с тросточкой в руках и, ни к кому конкретно не обращаясь, громко произнес:

– Ну, что, смертники, приехали? – Продолжая изображать слепого, я направился прямо на Курносую, но она увернулась от моих растопыренных пальцев.

– Эй, слепой летчик! – окликнул меня Макс. – Встань у радиатора и не отходи от машины, а то опять завалишься где-нибудь в канаву и разыскивай тебя целый день.

Я отошел и послушно встал у радиатора машины, глядя прямо перед собой.

Потрясенные девицы уставились на меня.

– У вас что, слепой водитель? – ужаснулась Курносая.

Ее старшая подруга усмехнулась с видом человека, который в жизни видел и не такое.

– А что такого? Шоферы сейчас в дефиците. Главное, права у него есть, а зрение он потерял недавно. И пьет мало. – Макс предложил девушкам сигареты.

– «Мало» это как? – Старшая взяла предложенную сигарету, а младшая отказалась и покраснела.

– А так, сколько не выпьет – все ему мало, – Макс щелкнул австрийской зажигалкой фирмы «Триплекс» и дал прикурить девушке. – Вас как зовут?

– Лена, а ее Антонина.

Я стоял неподвижно как истукан, прислонившись спиной к горячему радиатору.

– Как же ваш шофер может ехать, не видя дороги? – наивно удивилась Антонина.

– А куда машина из колеи денется? Ну, когда надо повернуть, я ему говорю, – объяснил Макс.

– А в поселке?

– Он местный и все поселки знает как свои пять пальцев. И на ветровом стекле имеется предупреждающий знак, – Макс показал на красный треугольник. – Так что все «о' кей!». А вы здесь на практике?

– Мы из Ленинградского горного института. Я на дипломной практике, а Антошка первокурсника.

По себе знаю, что на первом курсе трудно учиться только первые несколько лет, дальше будет легче.

– Вы что же, несколько лет на первом курсе учились? Как это вам удалось?

Я учился в университете на вечернем отделении геолфака, а работал в институте Арктики и Антарктики. Только начнутся занятия, так мне в ноябре надо уходить на корабле в Антарктиду на полгода.

Рыжая девчонка во все глаза смотрела на «антарктического волка». Я вдруг понял, что она очень похожа на Антошку из мультфильма, который упорно не хотел идти копать картошку.

– А есть ли в этом поселке какой-нибудь приличный салун, где три запяленных мустангера смогли бы промочить горло стаканом кукурузного виски и подкрепиться, ...

– Яичницей с беконом, – вставил я.

Макс откровенно буравил Антошку плотоядным взглядом.

– Столовая уже не работает, – сообщила Антошка.

– Приходите к нам в гости, – предложила Лена, – яичницей со шпиком мы вас угостим. Наша палатка сразу за камералкой.

– А я умею печь блины, – похвасталась Антошка, и покраснела.

Из кузова «Бобика» вылез заспанный Ник. Увидев меня в темных очках и с тросточкой, он протер глаза и как всегда все испортил:

– Ты что, слепым прикидываешься? – ухмыльнулся он.

Я понял, что дальше ломать комедию глупо, снял очки и подмигнул Антошке. Она сначала вытаращила глаза, а затем весело рассмеялась, от чего ее веснушки поехали к ушам. Лена усмехнулась с таким видом, будто она ничего другого от нас и не ожидала.

– Мы обязательно придем, – Макс гипнотизировал Антошку взглядом, – только представимся начальству и устроимся на ночлег.

Начальник партии определил нас в большую шатровую палатку с деревянным полом, которая называлась «гостиница». В палатке было сыро. Ник затопил железную печку. Я притащил из машины толстый брезент и расстелил его.

– Оставьте буржуйку в покое, в гости идем, – Макс достал из своего рюкзака пузатую бутылку вина в соломенной оплетке.

Девушки нас ждали. В палатке было по-женски уютно и чисто. Три свечи горели в подсвечнике из корневища можжевельника. У входа чадила керосинка. Антошка шустро пекла блины на маленькой сковородке. Возле ее ног вертелась лохматая болонка, для которой специально остужался горячий блин.

Лена тонкими ломтиками нарезала сало.

– Жаль, что нет грибов, а то мы угостил бы вас фирменной яичницей «Большая геологическая», – Макс достал бутылку и поставил ее в центре стола.

Лена вышла из палатки и через пару минут вернулась с целой миской свежих грибов.

– Шампиньоны подойдут? Вчера обнаружила плантацию в заброшенном погребе.

– Офкоз! Абель организуй, – распорядился Макс.

Для полного комплекта не хватило только молодого картофеля. На большой глубокой сковородке я обжарил грибы, репчатый лук, помидоры, залил взбитыми яйцами и посыпал зеленью.

Сели за стол. Макс разлил вино по кружкам.

– Это вино моей родины Молдавии. За встречу!

Вино было замечательным и девушкам очень понравилось.

– Между прочим, вино называется «Шепот монаха» и раньше использовалось в монастырях специально для непорочного зачатия монахинь.

От этой шутки лицо у Антошки сделалось пунцовым. Лену не испугала перспектива непорочного зачатия, она усмехнулась, так как, вероятно, уже знала, что для этого одного вина мало.

– Абель, твой тост, – распорядился Макс.

Произносить тосты я любил и сочинял их из разных курьезных историй.

– У нас на факе есть один студент, который великолепно играет на гитаре и поет. В прошлом году он женился, и в новом студенческом общежитии ему с молодой женой предоставили отдельную комнату. Однажды вечером Миша, с зубной щеткой и пастой в руках, отправился в мужской туалет чистить зубы. Но в коридоре его поймали знакомые биологи из соседнего общежития и прямо в тренировочном костюме и домашних тапках утащили на студенческую свадьбу.

Ровно через двое суток чуть живой Миша вернулся домой, прижимая к груди зубную щетку и тюбик с пастой.

«Почистил зубы, дорогой?» – невозмутимо поинтересовалась молодая жена.

Миша кивнул, и плашмя упал на кровать.

Так выпьем за то, чтобы геологи всегда живыми возвращались домой, а верные жены достойно встречали их, – закончил я.

Третий тост подняли «за прекрасных дам»!

– Господа офицеры! – скомандовал Макс.

Заложив левую руку за спину, мы с гусарским достоинством опорожнили кружки. Дамы остались сидеть.

– Теперь надо обязательно целоваться, – Макс вытер губы и, не сомневаясь во взаимности чувств, томно закрыв глаза, наклонился к Антошке.

Но девчонка лишь с первого взгляда смотрелась как «я у мамы дурочка», а на самом деле была смышленная и хитренькая. Она увернулась и выставила вперед лохматую болонку. Макс уткнулся губами во влажный нос собаки и отпрянул. Болонка дружелюбно замахала куцым хвостом, своим видом показывая, что она готова для поцелуя.

– Ну, вот, теперь я с болонкой на ты, – пошутил Макс, но было видно, что он обиделся.

– Сейчас я вам что-то покажу, – Лена достала из пикетажки заложенную между листов газетную вырезку.

Это была плохого качества фотография, на которой Лена и еще какая-то женщина сидели на керновых ящиках. Макс лишь взглянул на фотографию и передал ее мне, а я Нику.

– В прошлом сезоне к нам в урановую партию неожиданно прилетела на вертолете корреспондентка областной газеты, – Лена забрала фотографию, – а начальства как раз не было. На все ее вопросы о работе партии геологи, как и положено в таких случаях, отвечали уклончиво. Корреспондентку это обижало, и она всячески намекала, что ей можно говорить решительно все. Чтобы избавиться от журналистки, ее направили в кернохранилище к старшему геологу партии, которая учила меня документировать керн скважин. Геологиня не выговаривала букву «р». Вместо нее она почему-то произносила «у». Так что слово «керн» звучало у нее очень мелодично – «кеун».

Геологиня тоже была ученая и про уран молчала как рыба.

«Что вы темните? – разозлилась журналистка. – Это секрет, чем вы занимаетесь?»

«Нет, я изучаю и описываю кеун, – честно призналась геологиня».

Корреспондентка сфотографировала нас за работой и с тем же вертолетом отбыла в свою редакцию.

Вскоре прибыла толстая пачка газет. Под каждой фотографией была подпись: «Геологи в тайге изучают кеун».

Мы прочитали надпись под фотографией, на которую вначале не обратили внимания.

– Удивили! – Макс раскрыл свою полевую сумку и тоже достал из пикетажки газетную вырезку с фотографией. – На Дальнем Востоке мы работали с эманометром. Ну, это такой прибор для измерения радиоактивных газовых эманаций, – пояснил Макс специально для Антошки. – В землю втыкают полый стержень и через него насосом засасывают в камеру газ, содержащийся в почве. А потом измеряют активность продуктов распада радиоактивных инертных газов радона и торона.

– Кончай ликбез по радиометрии, – поторопил его Ник.

– И тут подъехали корреспонденты областной газеты и заинтересовались, что это мы в их районе ищем. Мне им сказать ничего нельзя. Даже если скажешь правду, они в статье все переврут, а мне потом по шее или вообще на год лишат допуска. Я им сказал, что мы занимаемся ионометрической съемкой.

«Что это такое? – не поняли корреспонденты».

«Ну, при помощи этого прибора мы определяем ионный состав газовых эманаций, – разъяснил я как можно проще. Вы знаете, что такое ионы?»

«И что здесь, в нашей тайге есть ёны? – удивились корреспонденты? – А можно сфотографировать вас за прибором?»

«Нет, – говорю, – прибор и меня фотографировать нельзя».

Тогда корреспондент сфотографировал моего рабочего с топором в руках на фоне разлапистой ели. А под фотографией в газете написали:

«Геологи в тайге ищут и находят ёны!»

Макс пустил по рукам вырезку. С фотографии на нас смотрела радостная физиономия Саньки Хмыря с топором в руках.

– Разве Санька с тобой работал? – удивился Ник.

– Да, в позапрошлом сезоне. Хороший мужик, когда трезвый.

Я тоже достал из пикетажки газетную вырезку. Это был набранный крупным шрифтом заголовок статьи: «Мраморная плита из розового гранита».

Девушки засмеялись.

– Интересно, что же было написано в статье? – заинтересовалась Антошка?

– По глупости ее содержание полностью отвечает заглавию. Эту статью я увидел в одной из газет и сразу ж купил два десятка экземпляров и вырезал заголовки. Теперь в нашей факультетской стенгазете «Геолог» есть рубрика с одноименным названием. Мы приклеиваем заголовок и под него помещаем вырезанные из газет перлы о геологии. Журналисты нас за это просто возненавидели и в университетской многотиражке регулярно поносят геологическую стенную печать.

Лена взяла в руки гитару и запела романс «Я ехала домой», в точности копируя Радугу Волшанинову, – лучшую исполнительницу этой песни.

Ник тоже спел несколько геологических песен. Потом долго уговаривали меня, но я петь отказался, так как по части лирики Ник и Лена меня явно превосходили, а мои военные или пиратские песни были здесь не в тему.

В двенадцать часов мы собрались уходить.

– В Средней Азии был такой случай, – я стал рассказывать прощальную байку. – Стадо овец проходило рядом с кладбищем, и один баран случайно упал в глубокую свежеврытую могилу. Пастух наклонился, чтобы вытащить барана, и сам упал в яму. А выбраться самостоятельно не может. Так и сидел вместе с бараном до темноты.

Вдруг пастух услышал, что кто-то проходит мимо по дороге. Он стал кричать и звать на помощь. Прохожий завернул к могиле и спросил: «Кто там?»

Пастух, объяснил, что случайно упал в могилу и никак не может выбраться.

Прохожий протянул руки в темноту могилы. А пастух сначала подал ему барана. Нащупав рогатую голову, прохожий подумал, что это черт, заорал и тоже скатился в могилу.

Так они и просидели втроем до утра, пока не пришли хоронить покойника.

История про кладбище и могилу девушек вовсе не рассмешила. Наоборот, они испуганно затихли.

– А вы читали в «Вечернем Ленинграде» эту жуткую историю про кладбище? – понесло Макса.

– Нет! – глаза у Антошки стали совершенно круглыми.

Лена виду не показала, но так сильно прижала к себе болонку, что собака заскулила.

Макс наклонился к девицам. Колеблющееся пламя освещало его лицо с мексиканской бородкой.

– Холодной дождливой ночью, – замогильным голосом повествовал Макс, – одна женщина остановила такси и попросила отвезти ее на Охтинское кладбище. Промокшая насквозь, она вся дрожала. Невозмутимый таксист врубил счетчик, и машина помчалась по ночному городу. У ворот кладбища женщина оставила водителю большой задаток и попросила ждать ее двадцать минут. В городе ожидалось наводнение. Ураганный ветер чуть не валил гигантские кладбищенские тополя, а дождь хлестал не переставая. И тут из ворот кладбища вышла женщина, подбежала к машине и села на переднее сиденье.

Девчонки с ужасом уставились на Макса. Болонка жалобно скулила. Ник, не знавший этой байки, тоже слушал раскрыв рот.

– Женщина была в одном платье. Ее всю трясло от холода. И тут вдруг водитель заметил, что руки у женщины в крови.

«Эй, тетка, ты что покойников жрешь, что ли?» – спросил ее шофер.

Женщина посмотрела на него безумными глазами и ответила: «Да...а...а...а...а...» – вдруг заорал Макс, хватая девиц за руки.

Что тут началось! Девицы закричали в голос. Болонка, обезумевшая от страха, вырвалась у Лены из рук и уронила свечи. В кромешной темноте девицы визжали так, что звенело в голове. Собака забилась под кровать и выла не переставая. Вдруг в палатке вспыхнул яркий свет электрических фонариков и осветил стволы двух охотничьих ружей, направленных на нас.

– Что, мужики, девок насилуете? – со злобой выкрикнул бородатый парень и взвел курки ружья.

– Мы ничего не делаем, – Ник от растерянности поднял вверх руки.

– Смотри, один кобель под нары заполз, – парень ткнул стволами ружья в ковбойские сапоги, торчащие из-под нар.

По доброте душевной Макс решил достать из-под кровати болонку. Нам только не хватало, что бы Макс проявил свой ковбойский характер и выхватил из подмышки наган.

– Лев Абрамович, все в порядке, – пришла в себя Лена, – это наши знакомые. Просто они нам такую жуткую историю рассказали, что мы испугались и закричали.

– О, да это Максим! Здорово! – парень узнал Макса и опустил ружье. – Этот кадр известен всему Дальнему Востоку. Ты, Антошка, будь с ним осторожнее, а то имеешь много шансов уже к утру стать женщиной.

Все закончилось миром.

На другой день Макс разбудил нас в семь утра. Тонкий солнечный луч протянулся через всю палатку от щели окна. Перед глазами на брезенте сидел напившийся моей крови комар, и деловито чистил задними лапками тонкие крылья.

Стояло настоящее летнее утро – теплое и яркое. Ник делал зарядку, бодро размахивая руками и приседая. Прямо над ним на березе сидела ворона и, словно тренер, активно кивала головой в такт приседаниям Ника.

На краю колодца стояло ведро. На пробу вода казалась просто ледяной. Я выждал момент, когда Ник присел, и окатил его из ведра. Ник от неожиданности так заорал, что испугал ворону, которая недовольно каркнула и улетела.

Я объяснил рассерженному Нику, что облил его не из хулиганских побуждений, как он наверное подумал, а для того, чтобы закалить его организм. Именно так закаляют сталь.

И тут Макс окатил меня сзади ледяной водой. У меня перехватило дыхание. Я даже не смог закричать. Когда я уже почти догнал Макса, Ник подкараулил меня и облил водой еще раз.

Вот и шути с дураками!

В столовой на завтрак была геркулесовая каша и вареные яйца. За одним из столиков сидели Лена с Антошкой. Они уже позавтракали, но держали места для нас.

Макс при виде каши скривился. Едой для настоящих мужчин он считал только мясо.

– Поридж, сэр! – произнесла Антошка с невозмутимостью англичанки, подвигая Максу тарелку. – Хелп ёсэлф.

– Сенкью, – с достоинством ответил Макс.

– Хау ю слипт? – с иронией спросила Антошка.

Макс смутился, не зная, что ответить.

– Спасибо, мы спали хорошо, – выручил я Макса.

Краем глаза я заметил, что Лена как-то особенно смотрит на Ника.

Когда съели кашу, Антошка сбегала на кухню и принесла в миске десяток теплых яиц.

– Они сварены всмятку, – предупредила она.

– Я предпочитаю яйца только от черных куриц, – заявил Макс.

– А как же вы их узнаете? – удивилась Антошка.

– Очень просто, – Макс выбрал два самых крупных яйца, – вот эти от черной курицы.

Девчонки поняли шутку и засмеялись.

Я тоже рассказал байку про яйца.

– Мой старший брат в одном из ресторанов Хельсинки, заказал яйцо всмятку, составив фразу из нескольких английских слов: «уан эг, наф боулинг – один яйцо, половина кипеть», в расчете, что официант сам расставит падежи. Официант невозмутимо принял заказ, но через пару минут вернулся с переводчиком, который вежливо поинтересовался: «Простите сэр, что вы собираетесь делать со второй половиной яйца?»

– Надо было просто сказать: «уан софт боилд эг», – засмеялась Антошка, – одно яйцо всмятку.

– Антошка закончила английскую школу, – сообщила Лена, выразительно глядя на Макса.

– Подумаешь, Ник тоже закончил школу с английским уклоном, – не растерялся Макс.

– Да, но Антонина училась в Англии.

Антошка вдруг покраснела до корней рыжеватых волос.

– Давайте прощаться! – Лена печально взглянула на Ника. – Мы сегодня улетаем на заверку аэрогаммааномалии.

– Девочки, мы должны обязательно встретиться снова, – Макс на прощанье поцеловал геологиням руки.

Так Макс и не обломилось уговорить Антошку «идти копать картошку».

Кернохранилище располагалось на краю поселка. Вдоль стен низкого длинного барака стояли штабеля плоских керновых ящиков. Можно было не сомневаться, что нужные нам скважины находятся в самом низу, и чтобы до них добраться, придется вытащить половину кернохранилища. Так оно и оказалось. Мы вытаскивали тяжелые ящики, заполненные столбиками гранитного керна, и раскладывали их на поляне.

Документация керна скважин очень важная часть геологических работ. Но нас с Ником тянуло в «долбон», – так мы называли длинный и тяжелый маршрут.

За два сезона мы привыкли к маршрутам как ездовые собаки к тяжелой работе в упряжке, и другой жизни не хотели. Старший брат рассказывал, как в Сибири к ним в поселок на собачьей упряжке приехал местный охотник. Ночью его коренной пес загрыз в драке трех местных собак, но и ему порвали сухожилие на задней ноге. Утром каюр хотел пристрелить пса, волочащего по снегу безжизненную лапу. Геологи пригласили ветеринара. Осмотрев собаку, ветеринар заявил, что рана опасная, но не смертельная и пес останется хромым. Уговорили каюра не убивать собаку, которая ездовой больше не будет, но в поселке жить сможет. Пес был такой здоровый, что и на трех лапах мог справиться с любой местной собакой.

«Все равно без работы сдохнет», – заявил каюр и умчался на упряжке в тундру.

Геологи удивились такому пророчеству. Пес, на глазах у которого исчезла в тундре его родная упряжка, выл как ненормальный. С трудом удалось затащить собаку в дом. От пищи он отказался. Утром пес лежал на бугре и молча смотрел в тундру вслед санному следу. К еде он не притронулся. Через три дня пес окошел на бугре, лежа в снегу. И умер он не от голода, не от ран, не от стужи, а от тоски по тяжелейшей работе, за которую его стегали кнутом, на которой он отморозил себе уши, когда на ледяном обжигающем ветру тащил груженные сани. Он любил эту работу, и без нее для него не было жизни.

Конечно, многим собакам и на цепи живется неплохо. И работа не тяжелая – сиди да гавкай на прохожих. Но это счастье не ездовой собаки.

Мы отдохали, развалившись на мягкой траве перед кернохранилищем. На крыльцо соседнего дома вышел геофизик с топором в руках с очевидным намерением колоть дрова. Геофизик был известен на всю экспедицию сверхъестественной невозмутимостью. Парень выбрал из поленицы свилеватую чурку, перекрученную, словно канат. Я по достоинству оценил его выбор, так как сам любил раскалывать именно такие заковыристые поленья и считал себя в этом деле большим специалистом. Геофизик поставил чурку на пень и замахнулся топором.

«Неужели расколется с первого удара?» – ревниво подумал я.

Чудо, конечно, не произошло. Плотницкий топор с широким лезвием, предназначенным для того, чтобы тесать, намертво застрял в полене. Колоть дрова таким топором одно мучение – лезвие сразу зажимает в образовавшейся трещине. На Дальнем Востоке дрова кололи по-особому: короткую чурку кедра или лиственницы обкалывали с краю, ударяя топором вкось. Здесь в Карелии чурки были длиннее и часто крученые, словно веревка. Кололи их сначала пополам. Правда, и топоры у многих были финские лесорубные – с узким лезвием колуном на длинной и непривычно тонкой ручке. Удар получался потрясающий, и чурка обычно разваливалась с первого раза. Однако геофизику было наплевать на эти тонкости, и он работал обычным плотницким топором.

Парень, наконец, освободил топор и с невозмутимым видом тюкнул по свилеватому полену. Топор снова застрял в трещине. У парня в лице не дрогнула ни одна черточка, и он принялся терпеливо вытаскивать топор. Досматривать эту сцену не было времени. Притащив очередной керновый

ящик, мы увидели, как геофизик размахнулся и снова тюкнул по тому же полену. Топор застрял, но парень был невозмутим.

– Только вымершие динозавры могли бы сравниться невозмутимостью с этим человеком, – заметил я.

– Да, народ теперь пошел неуравновешенный и психоватый, – согласился Ник.

Мимо нас пробежал крупный лохматый пес. Его пушистый хвост не был закручен крутой баранкой налево, как у всех лаек, а стоял вертикально, и только беленький кончик плавно колебался в такт движениям. Пес остановился и, склонив набок голову, уставился на геофизика. С минуту мы втроем наблюдали за колкой дров. Пес оглянулся на нас, всем своим видом показывая, что видит такое представление впервые в жизни и ему тоже смешно. Я показал собаке большой палец. Геофизик спокойно вытаскивал топор из полена. Пес вновь обернулся и уже запросто, по-приятельски, на меня посмотрел. На его морде было написано, что он готов без всяких церемоний составить нам компанию, если мы собираемся подкрепиться. Я всегда знал, что животные разговаривают, но не все люди умеют их понимать, и виновато развел руками.

«Ну, тогда я побежал?», – пес без всякой обиды махнул пушистым хвостом.

– Мы обедаем в столовой, – сообщил я, – подходи, что-нибудь придумаем.

– Неужели ты думаешь, что пес тебя понял? – усмехнулся Ник.

– В обед увидишь.

Пес оправился на забор, и с показным грозным рычанием отбросил землю задними лапами. Приосанившись, он отправился по своим неотложным собачьим делам, неся хвост как развевающееся боевое знамя. Мы тут же окрестили его Знаменосцем.

На полчаса мы забыли про геофизика, и упорно таскали ящики. Когда присели курить, то с удивлением обнаружили, что он все еще тюкает топором по тому же полену. Лицо его было спокойно и немного печально.

– Погорячился ты со сравнениями, – заметил Ник, – настоящий динозавр уже катался бы на спине, бил по земле хвостом и в бессильной злобе рвал это полено зубами и когтями.

– Мне кажется, что в данном случае невозмутимость обратно пропорциональна сообразительности, – ответил я, чтобы оправдаться, – давно бы мог взять другое полено. Такую «зверскую» невозмутимость можно принять за эталон и назвать 1нев. Причем, все нормальные люди имеют лишь миллионные доли нева, или микронева.

– Вставай, пошли работать, – Ник поднялся с травы.

– Как говорил один мой знакомый бездомный пес, «поспешность нужна только при ловле блох». Вечно ты портишь кайф. Я уже давно заметил, что моя голова начинает мыслить четко и ясно, особенно если это хоть немного оттягивает момент начала тяжелой и нудной работы.

Во время очередного перекура мы увидели геофизика с топором в руке, взирающего на пустую стену дома.

– Думает! – сходу определил Ник.

В этот момент геофизик, очевидно, пришел к заключению, что нечего тут особо думать, размахнулся и снова вонзил топор в злополучное полено. Тут я не выдержал и, перепрыгнув через низкий забор, обратился к парню:

– Послушай, друг, дай мне попробовать расколоть это полено, а то у меня внутри все трясется.

Парня нисколько не удивила моя просьба, и он молча протянул топор. Я считал себя большим специалистом по части колки дров, имея за плечами два полевых сезона и туристические походы. Установив полено на колоду, я примерился и изо всей силы ударил топором. Удар был точен, но моим расчетам не суждено было оправдаться, полено не разлетелось на две половинки, как я того хотел, а лезвие топора сразу застряло в трещине. Как только я не хитрил, бил и ровно и косо «по-дальневосточному», свилеватое полено, сплошь утыканное сучками, просто издевалось надо мной. Парень невозмутимо смотрел на мою работу, и на его лице не было и тени насмешки или злорадства.

К нам подошел Ник, молча взял из моих рук топор и уложил полено на колоду боком. Я ни разу не видел, чтобы так кололи дрова, и собрался сказать по этому поводу что-нибудь остроумное. Ник примерился и сильно рубанул прямо по сучку. Полено треснуло и разлетелось на две половинки. Как в сказке. Мы с геофизиком раскрыли рты.

– Этой зимой у тещи на даче я переколол две машины дров, половина из которых были такими же свилеватыми и сучковатыми, – объяснил мне Ник. – Я тогда еще грешным делом подумал, что теща на дровяном складе специально для меня попросила отобрать такие чурки.

В обед у столовой нас ждал Знаменосец. Я кивнул собаке, показывая, что все помню и свои обещания выполняю.

В небольшом помещении геологической столовой народу было полно. В зале раздавался дружный хохот десятков мужиков. Макс занял для нас столик в углу. Он рассказал, что в партию пришла телеграмма с буровой ударно-канатного бурения. Начальник бурового отряда просил «срочно прислать ударную бабу диаметром отверстия 76 миллиметров». Ударная баба это массивная металлическая болванка с отверстием в центре, при помощи которой забивают буровую трубу в рыхлые породы. Телеграфистка решила, что баба это женщина, и ее покорило такое неуважительное слово. Она взяла на себя грех и заменила неблагозвучное «баба» другим словом и получилось: «Срочно пришлите женщину – ударницу диаметром отверстия 76 мм».

– Ну, где мне взять такую женщину? – в очередной раз патетически восклицал начальник партии, а мужики валились на столы и отвечали ему дружным гомерическим смехом.

Пока ели борщ по-флотски, Макс рассказал, что начальник этого бурового отряда однажды уже отличился по части телеграмм. Он был в партии на каком-то совещании и послал телеграмму своей жене, которая замещала его на буровой: «Бугровой. Не поднимай ноги до моего приезда. Бугров». В геологическом сленге ногами именовались бревенчатые стойки-треноги буровой установки.

После обеда я угостил Знаменосца отличной сахарной косточкой, специально для собаки выпрошенной у поварихи.

Только к концу дня мы разложили на поляне ящики с керном нужных скважин. Ник уселся на бревно, заточил карандаш и написал пикетажку.

– Может, завтра с утра начнем? – осторожно предложил я.

– Ночи светлые, – Ник решительно встал. – Ты будешь измерять гаммаактивность керна и вести радиометрический журнал, а я буду делать геологическое описание. Или наоборот?

Мне всегда нравилось работать с Ником. Мы понимали друг друга без слов, и работа просто летела. У нас никогда не было разногласий по

поводу того, кому и что делать, как нет у мастера разногласий между правой и левой руками.

Я включил радиометр и поднес гильзу к ящикам, в которых лежали столбики трехдоймового керна. Вдруг в наушниках заметно увеличился фон. Порода была массивная, темно-серого цвета, с блестками слюды. Ник достал лупу, и мы по очереди рассмотрели породу.

Откуда нам было знать, что эта порода образовалась тысяча триста миллионов лет тому назад из магмы, поднявшейся с глубины сто пятьдесят километров. Только через двадцать лет в далекой Австралии найдут такую же, сходную с кимберлитами, породу, называемую лампроитом, с промышленным содержанием алмазов. Химический анализ, сделанный из отобранной нами пробы, будет долго пылиться в отчете, затем вместе с другими химическими анализами он попадет в банк данных ЭВМ и после открытия алмазности лампроитов в Австралии будет, наконец, найден и востребован. Из этих пород отберут большую технологическую пробу, в которой обнаружат несколько десятков карат алмазов.

Так что, может быть, мы держали в руках алмазы.